

КРЕСТЬЯНСКАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ВЗАИМОПОМОЩЬ В САМАРСКОЙ ГУБЕРНИИ (1920-е ГОДЫ)

Самара. Самарский государственный университет

С переходом к новой экономической политике ослаб властный прессинг (репрессивный, фискальный) в деревне. Крестьяне получили возможность самоорганизации. Самой массовой общественной организацией в 1920-е гг. стали крестьянские комитеты взаимопомощи (кресткомы). Анализ их деятельности представляет значительный интерес для изучения механизмов власти и самоуправления в изповской деревне.

Кресткомы были сформированы по инициативе государства в условиях крайнего хозяйственного разорения. С отменой реквизиций стала недееспособной «военно-коммунистическая» система социального обеспечения, основанная на персразверстке. Натуральный налог, заменивший продрозверстку, определялся минимальными потребностями города и армии. Поэтому центральная власть, провозгласив НЭП, искала способы мобилизации ресурсов деревни на нужды её малообеспеченных слоев. В соответствии с Декретом СНК от 14 мая 1921 г. должны были формироваться волостные и сельские крестьянские комитеты общественной взаимопомощи. Важнейшей их функцией было перераспределение продовольствия. Кроме того, они должны были оказывать трудовую помощь и защищать права сельчан, в том числе от притязаний органов власти. В Декрете СНК и пояснявшей его инструкции Наркомата социального обеспечения (НКСО) от 27 мая 1921 г. подчеркивалось, что кресткомы являются инициативными, независимыми от администрации организациями [1].

В периодической печати, циркулярах НКСО летом – осенью 1921 г. порой утверждалось, что создание кресткомов является развитием традиционных форм взаимопомощи, получивших особое распространение в деревне в годы войны [2]. В действительности, комитеты были внешней по отношению к крестьянскому «миру» структурой, созданной для того, чтобы заменить мирскую взаимопомощь новыми формами, установленными государством.

В Самарской губернии засуха и голод заставили местную власть форсировать усилия по организации кресткомов. В июне 1921 г. определились масштабы продовольственной катастрофы. Циркулярные письма центрального руководства в это время свидетельствовали, что в борьбе с ней губернии придется рассчитывать на собственные ресурсы. Надежды на помощь голодающим были связаны с перераспределением продовольствия аппаратом кресткомов. На кампанию по их формированию было мобилизовано 300 губернских и уездных партработников [3]. К началу осени 1921

г. были проведены выборы в 251 волостной и 1.406 сельских комитетов общественной взаимопомощи [4]. С момента организации они были подчинены административным структурам. Кресткомы стали низовым аппаратом губернской комиссии помощи голодающим, созданной в июне 1921 г. Первым заданием, которое получили комитеты, было продовольственное самообложение. Собранные продукты (преимущественно корнеплоды, зерновых не было уже в июле 1921 г.) позволили открыть питательные пункты. Большая их часть приходилась на Бузулукский уезд, где сетью столовых были охвачены все волости и многие села. Однако продовольственные запасы крестьян были невелики. Например, в Бугурусланском уезде было собрано 5.302 пуда продуктов – менее 100 пудов на волость [5]. Большинство питательных пунктов вскоре было закрыто. С сентября 1921 г. их снабжение возлагалось на потребительскую кооперацию (Губсоюз) [6]. Организационное обеспечение работы столовых осуществляли кресткомы; они подыскивали помещения, оборудовали кухни, подвозили топливо, доставляли продовольствие со складов. Другой важнейшей функцией комитетов было выявление наиболее нуждающихся в помощи, прежде всего детей, и прикрепление их к питательным пунктам. Комитеты производили запашку полей безлошадных, семей красноармейцев, инвалидов. Зимой 1921 – 1922 гг. в связи с крайним ужесточением голода эта деятельность замирает. В это время комитеты взаимопомощи лишь регистрировали случаи голодных смертей, собирали суррогаты, оказывали помощь в доставке пайков [7].

Кресткомы сыграли большую роль в борьбе с голодом. По мере его преодоления среди представителей местной власти и в массе крестьян нарастает критическое, «ликвидационное» отношение к этим структурам. В выступлениях руководящих работников общим местом становится тезис о том, что комитеты лишь «содержат аппарат и занимаются благотворительностью». В 1923 – 1924 хозяйственном году кресткомы губернии 42.571 руб. (53,8% расходов) направили на содержание социальных учреждений (главным образом, детдомов). Далее следовали расходы на аппарат (16,9%) и помощь маломощным хозяйствам (13,3%) [8]. В разоренной губернии с массовой беспризорностью превращение кресткомов в «благотворительные» организации было морально и социально оправданным. Тем не менее, губернской и уездной властью оно расценивалось как нежелательное, поскольку не соответствовало задачам комитетов. Кроме того, «филантропическая» деятельность осуществлялась ими под давлением волисполкомов. Другие мероприятия – сбор членских взносов, трудовая помощь, общественная запашка – также производились в административном порядке. Кресткомы становятся исполнительным аппаратом волостных советов.

С хозяйственным возрождением деревни возросла ее социально-политическая активность. В 1924 г. на пере выборах Советов, волостных беспартийных конференциях повсеместно зазвучали требования создания

крестьянских союзов. Стремление крестьянства к общественному самоопределению, ярко в них проявившееся, потребовало от власти «опережающих» действий. Осенью 1924 г. высшее партийное руководство провозгласило реализацию «Нового курса», получившего официальное наименование «Лицом к деревне». Важным его аспектом было «оживление» комитетов взаимопомощи, превращение их из «подсобного орудия» низовой власти в самостоятельные организации.

В соответствии с Положением от 25 сентября 1924 г. комитеты подлежали реорганизации в крестьянские общества взаимопомощи (КОВ). Общества формировались на основе коллективного – добровольного, а не индивидуального членства. Приоритетной их задачей была не «собесная» деятельность (материально-продовольственная помощь малообеспеченным крестьянам), а производственная помощь и кооперирование сельских жителей.

С реорганизацией кресткомов в крестьянские общества взаимопомощи административное давление на них ослабевает. Тем не менее, они оставались исполнительным аппаратом. Важнейшие мероприятия обществ осуществлялись под нажимом партийно-советских структур. Показателем равнодушия к ним крестьян была ситуация со сбором членских взносов. В 1927 г. он составил 8.538 руб. – 12% общего прихода волостных и сельских обществ, менее 3 коп. на одного члена общества [9].

По мере укрепления крестьянских хозяйств важной задачей обществ становится ограничение хозяйственного индивидуализма. Они должны были содействовать (организационно, материально) развитию коллективного труда. Простейшей его формой была общественная запашка. Большинство КОВ производили общественные посевы. В 1925 г. в Самарской губернии 140 кресткомов, представившие отчеты о деятельности, произвели запашку 572 дес. (4 дес. на общество) [10]. Урожайность на общественных полях была ниже, чем в крестьянских хозяйствах. Как правило, посевы производилось наиболее рутинным способом – по «ленивке». Из указанных 140 кресткомов лишь пять применяли широкорядный посев чистосортными семенами, один комитет перешел на пятиполье. Общественная запашка была формальным выполнением требований властей. В 1927 г. она на 62,5% производилась наемным трудом и исполу, что запрещалось государственной властью. Только в 37,5% комитетов запашка выполнялась «общественными силами», коллективным трудом [11].

Среди форм помощи кресткомов сельчанам преобладали мелкие (1 – 4 руб.) ссуды. Они не оказывали существенного влияния на состояние даже беднейших хозяйств. В 1926/1927 г. в губернии 3.248 хозяйств получили возвратные ссуды в размере 15.562 руб. (4 руб. 80 коп. на хозяйство). 819 хозяйств получили безвозвратные ссуды, ее средняя величина составила 3 руб. 20 коп. [12]. Большинство комитетов было неспособно аккумулировать значительные средства на хозяйственные и социальные мероприятия.

В середине 1920-х гг. образцом для подражания, удостоившимся упоминания в печати, выглядел изобретательный комитет, осуществлявший довольно хитроумную «схему». Свой небольшой бюджет (10-15 руб.) он тратил на вступительные взносы крестьян в кооперацию. Они брали в кооперативе ссуду и возвращали долг кресткому; на эти средства он вводил в кооперацию других сельчан [13].

Бедняки считали комитеты (общества) взаимопомощи «своей» организацией, хотя и среди них встречалось «ликвидационное» к ним отношение. Критические замечания бедноты сводились к тому, чтобы увеличить объемы помощи и придать ей производственный характер (выделять кредиты на покупку с/х машин, передавать кресткомам мельницы и крупорушки и т.д.). Отношение к кресткомам середняков и состоятельных крестьян в основном характеризовалось словами: «Бедняки все лодыри, работать не хотят, а за помощью ходят, получают те, кто ничего не делает комитету», «крестком есть организация бедноты, середняку в комитете делать нечего, он никогда никакой помощи не получает» [14]. Действительно, в изповской деревне существовал слой крестьян – «собесников», получавших регулярную помощь со стороны кресткома и не прилагавших значительных усилий для развития своего хозяйства. Характерно, что сельские жители называли их «миросдами» и даже «кулаками» [15]. Зажиточные и средние хозяева проявляли интерес к работе комитета в том случае, если он владел предприятием, обслуживающим их потребности. Сельские жители, особенно до середины 1920-х гг., имели слабое представление о назначении комитетов; ближайшим их аналогом считались комбеды. Это также определенным образом «настраивало» сельчан по отношению к кресткомам.

В сознании представителей власти (центральной и низовой) переход к НЭПу запечатлелся как требующее реванша поражение («Брест»). В массе крестьян с середины 1920-х гг. также нарастали критические умонастроения, вызванные с ростом их общественной активности, требований и ожиданий. Формировалась социально-психологическая почва для «свертывания НЭП». С 1926 г. государственные структуры начинают наступление на изповский уклад. Кресткомы участвовали в антинэповских мероприятиях. Важной функцией комитетов становится «дефрагментация» крестьянства, организация бедноты для противостояния зажиточным хозяевам при проведении выборных, посевных и других массовых кампаний.

Развитие деревни все больше подчинялось потребностям индустрии. На общества взаимопомощи (наряду с другими властными и общественными организациями) возлагалось размещение в деревне индустриального и хлебного займов, создание семенных фондов, контрактация посевов, помощь беднякам в найме тягловой силы, прикрепление их к зажиточным хозяйствам, организация соревнования между хозяйствами и т.д. Роль кресткомов в этих мероприятиях не была значительной; они действовали как

«подсобный аппарат» низовых советов и партийных ячеек. Не было ощутимым их участие в кооперировании и коллективизации. В 1927/1928г. в Советской России затраты по кооперированию в среднем на комитет составили 2 руб. и по коллективизации – 10 руб., в сумме не превысив 1 млн. руб. [16].

Официальная доктрина постулировала «уходящий» характер крестьянского хозяйства, превосходство крупного производства. С началом сплошной коллективизации в информационных и постановляющих документах органов власти отмечалась «недостаточная загрузка тракторов в мелких колхозах и КОВ» [17], это стало одной из причин ликвидации обществ.

Подводя итоги, отметим, что организация комитетов общественной взаимопомощи стала одним из проявлений «отката этатизма», начавшегося с переходом к НЭПу. Вместе с тем, кресткомы продолжали социальную практику «военного коммунизма»: на них возлагались функции отмененной переразверстки. Несмотря на НЭП, государство оставалось патерналистским. С момента формирования комитеты были подчинены властным структурам. До середины 1920-х гг. волисполкомы почти неограниченно распоряжались их аппаратом и фондами. В дальнейшем органы власти управляли кресткомами постановкой целей деятельности. Работа комитетов подчинялась задачам, которые власть на текущий момент считала приоритетными: распределение продовольственной помощи, содержание социальных учреждений, производственная помощь, общественно-политическая организация бедноты, кооперирование сельчан, поддержка коллективных хозяйств и т.д. На кресткомы возлагались фискальные мероприятия (сбор продналога, самообложение на нужды властных структур, размещение государственных займов), не входившие в состав их функций. Комитеты общественной взаимопомощи не стали инициативными организациями. Главной причиной этого было равнодушие к ним крестьян. В подчинении кресткомов государственному аппарату представители местной власти нередко видели единственный способ оживить их деятельность, хотя бы отчасти покончив с «проеданием фондов» аппаратом комитетов. «Пассивное» отношение к комитетам сельских жителей в значительной мере объяснялось их материальной слабостью. Средних и зажиточных сельчан, более активных и организованных, настораживала очевидная предметная связь кресткомов с комбедами. Большинство функций комитетов взаимопомощи дублировалось низовыми советами, общиной и кооперацией. Стремление крестьянства к самоорганизации получило выражение в требованиях создания крестьянских союзов. Они должны были представлять интересы крестьянства перед властью, которая отождествлялась с рабочим классом и городом. Отмечались попытки создания крестьянских союзов на основе комитетов взаимопомощи, пресекавшиеся властями. Государственная власть поставила невыполнимую задачу. – подавляя соци-

ально-политическое самоопределение крестьянства, создать в деревне самодетельную организацию.

Можно заключить, что главной, хотя и неявной, функцией кресткомов было ограничение изповского уклада в деревне. Они препятствовали дифференциации крестьянства, сдерживали индивидуализм. С отказом от новой экономической политики закономерным шагом стало упразднение крестьянских комитетов общественной взаимопомощи.

Литература

1. Известия. 1921. 18 мая.
2. ГАСО. Ф.Р-244. Оп.1. Д.74. Л.8.
3. Деятельность Самарской губернской комиссии помощи голодающим (декабрь 1921 - июнь 1922 гг.). Самара, 1922. С. 7.
4. ГАСО. Ф.Р-130. Оп.2. Д.15. Л.18; Деятельность Самарской губернской комиссии помощи голодающим (декабрь 1921 - июнь 1922 гг.). Самара, 1922.
5. На голодном фронте: Бугурусланский уезд в голодные 1921-1922 годы. Самара, 1922.
6. Отчет о деятельности Самарской губернской комиссии помощи голодающим (декабрь 1921-июнь 1922 гг.). Самара, 1922. С.7.
7. На фронте голода (1921 - 1922 гг.). Кн.II. Самара, 1922. С.183.
8. Отчет Самарского губисполкома XII-му губернскому съезду Советов за 1923 - 1924 хозяйственный год. Самара, 1925. С.23.
9. СОГАСПИ. Ф.1. Оп.1. Д.2672. Л.48.
10. Ленинец (Самара). 1926. №1. С.54.
11. СОГАСПИ. Ф.1. Оп.1. Д.2672. Л.50.
12. Там же. Л.51 об.
13. Ленинец (Самара). 1926. №1. С.55.
14. СОГАСПИ. Ф.141. Оп.1. Д.1658. Л.5 об-6 об.
15. ГАСО. Ф.Р-81. Оп.1. Д.928. Л.50.
16. Крестьянская взаимопомощь. 1929. №19. С.8.
17. Постановления III-го пленума Самарского окружного исполнительного комитета Советов. 15-18 декабря 1929 года. Самара, 1929. С.31.